

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.19>

Новиков Александр Владимирович, Богачев Виктор Алексеевич

**ХРИСТИАНСКАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА В
НОЗОЛОГИИ ПСИХИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ**

Излагается представление о христианской и философской составляющих комплексного подхода в нозологии психических заболеваний. Используются достижения христианской мысли, выработавшей за два тысячелетия свое видение проблем болезней человеческого разума, во многом неожиданное с точки зрения современного медицинского представления и при этом позитивно его дополняющее. На хрестоматийном литературном примере показывается, как болезнь может выполнять охранительную функцию для тех людей, души которых иначе бы "разбились" о жестокость окружающего мира. Религиозно-философская составляющая позволяет более глубоко и целостно подойти к пониманию природы психических болезней.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/7/19.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(93) С. 94-97. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1; 2-1

Дата поступления рукописи: 15.02.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7-19>

Излагается представление о христианской и философской составляющих комплексного подхода в нозологии психических заболеваний. Используются достижения христианской мысли, выработавшей за два тысячелетия свое видение проблем болезней человеческого разума, во многом неожиданное с точки зрения современного медицинского представления и при этом позитивно его дополняющее. На хрестоматийном литературном примере показывается, как болезнь может выполнять охранительную функцию для тех людей, души которых иначе бы «разбились» о жестокость окружающего мира. Религиозно-философская составляющая позволяет более глубоко и целостно подойти к пониманию природы психических болезней.

Ключевые слова и фразы: психическая болезнь; безумие; этиология психического заболевания; междисциплинарный подход; христианская антропология.

Новиков Александр Владимирович

*Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону
fmr.dstu@mail.ru*

Богачев Виктор Алексеевич, к. ф.-м. н., доцент

*Ростовский государственный университет путей сообщения
bogachev-va@yandex.ru*

ХРИСТИАНСКАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА В НОЗОЛОГИИ ПСИХИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Один из тревожных симптомов, указывающих на имеющиеся проблемы в духовном состоянии современного социума, проявляется в виде возрастающей подверженности представителей всех слоев населения неврозам и психическим заболеваниям. Независимо от уровня материального достатка и образованности многие миллионы людей страдают «болезнями цивилизации», затрагивающими их сознание. Все чаще в медицинской литературе фигурирует диагноз «ноогенная депрессия» – показатель утраты или отсутствия смысла жизни. Особую озабоченность вызывает имеющая место, особенно в развитых странах, экстремальная форма проявления такого состояния, выражающаяся в высоком проценте суицидов.

Пути преодоления указанного кризиса, проявляющегося, как уже сказано, на весьма широкой социальной почве, ищутся научным сообществом в разных направлениях. Уже в середине прошлого века было замечено, что в гуманитарных областях знания «идет процесс проникновения понятия личности даже в биологически-ориентированные теории» [17]. При этом рядом выдающихся деятелей медицинской науки религиозный ресурс признается и внятно позиционируется в качестве весьма действенного реабилитационного фактора.

В последние сто лет наблюдается и усиление интереса к феномену психических болезней в философских исследованиях. Во многих работах рассматриваются различные вопросы, касающиеся психопатологий, среди которых – выявление их сущности, причин, которые могут лежать вне органической этиологии, а также поиск подходов к пониманию возможного смысла речи людей с различными нарушениями мышления. Одной из причин указанного интереса является то, что исследование психической болезни может привести к корректировке базовых представлений о человеческой природе. Попытки соответствующего философского анализа объясняются тем, что в безумии могут открываться «глубинные истины о человеке, те дремлющие формы, в которых рождается то, из чего и складывается человек» [23, с. 13]. Обращение к результатам психопатологических исследований – крайне проблемной и сложной для рационального осмысления сферы – позволяет в какой-то мере даже поставить вопрос о пределах тех или иных философских концепций.

В XX веке к феномену психических болезней обращались такие выдающиеся философы, как К. Ясперс [24], М. Фуко [23], Ж. Лакан [15], Ж. Делез [8]. К. Ясперсу принадлежит идея о том, чтобы исследования всего содержания психических отклонений производились непредвзято и с соответствующим разносторонним анализом. М. Фуко впервые отчетливо обратил внимание на необходимость понимания смысла и происхождения безумия. В монографии [23] показана связь между страдающей безумием человеческой личностью и уровнем ее дискриминации. Ж. Лакан попытался приблизиться к пониманию бреда как особого языка, показав своеобразную логику бредового дискурса.

Обратим еще внимание на работы Л. Бинсвангера [3], автора идеи о том, что психическая болезнь есть результат неправильного экзистенциального выбора. В русле феноменологического и экзистенциального подхода работали также Р. Лейнг, Р. Мэй, И. Ялом.

Среди отечественных философов, обращавшихся к вопросам психиатрии, назовем имена А. Руткевича [18] и Ф. Гиренка [7]. В настоящее время в области философии психиатрии как раздела философии науки плодотворно работают О. Власова [4], Е. Косилова [13], А. Ткаченко [22], С. Бардина [2].

Из относительно новых направлений, имеющих междисциплинарный характер, следует упомянуть следующие, такие как психиатрия и философия сознания [19], культурная (этно-) психиатрия [9], социодинамическая психиатрия [12], социобиология [5; 6; 20].

В настоящей работе предпринята попытка рассмотрения феномена психических болезней с точки зрения христианского понимания человеческой личности. Междисциплинарность такого подхода подразумевает

включение в проводимые исследования таких областей знания, как психиатрия, антропология, философия и теология, что способствует их объективности.

Раздвигая границы представлений о психических болезнях, сформированных в традиционной науке в большинстве своем как об исключительно органических патологиях, христианская мысль на протяжении двадцати веков выработала свое видение соответствующих проблем, которое в ряде случаев не совпадает с медицинским, а также со сформировавшимся в широких слоях социума. Возьмем для примера проблему нормы и патологии. То, что при материалистическом подходе в психиатрии (и в обществе) считается ярко выраженной патологией, в христианском представлении может являться нормой. Глубокая религиозность в современном секуляризованном обществе в большинстве случаев рассматривается как проявление фанатизма, в то время как поведение, определяющееся в христианстве как греховное, в социуме часто не вызывает прямого осуждения. Вообще, с точки зрения «поверхностного» рационализма многие изложенные христианскими авторами мысли о психических болезнях могут показаться парадоксальными. Например, следующие:

- иногда болезнь не является непоправимой трагедией, а есть всего лишь временное испытание человека, призывающее его к преодолению препятствий с целью взойти на более высокую ступень духовного опыта;
- при органической причине возникновения психического расстройства душа может сохранять свою неповрежденную сущность;
- психическая болезнь не препятствует святости.

Последний тезис носит вызывающий характер и нуждается в развернутом объяснении. В связи с этим заметим, что в истории христианской святости были подвижники, имеющие в «анамнезе» психическое расстройство и даже одержимость. Попробуем раскрыть смысл сказанного, обратившись к размышлениям одного из известных деятелей русского зарубежья архимандрита Сергия (Шевича). Важно то, что, помимо своего участия в качестве духовника многих выдающихся представителей эмиграции (среди которых назовем имена Н. Бердяева и Вл. Лосского), отец Сергий прекрасно разбирался в философии и литературе, будучи знатоком творчества Ф. М. Достоевского [16].

По мысли архимандрита Сергия, святые нередко имели значительные различного рода недостатки: «Одни святые очень нервозны: у них бывают тики; другие очень резки в общении. Есть и такие, которые ужасно медлительны. У некоторых бывают телесные изъяны. Все это потому, что в святых произошла победа над ветхим человеком, но не над внешним. Святые еще не достигли полного преображения, и ветхий человек все еще продолжает проявляться через внешнее. Эта видимость может ввести нас в заблуждение и скрыть от нас то, что внутри» [Там же, с. 128-129].

Другой известный священнослужитель зарубежья – Александр Ельчанинов – отмечал в своих «Записях»: «“Нервность” в каком-то смысле есть психофизическое условие святости. Тело уточненное, трансформированное слезами, постом, болезнями, трудами, делается более способным к воздействию духовных благодатных сил. Но оно же делается болезненно чувствительным к грубому вещественно плотскому миру, и реакция его на мир – есть нервность. Святой, минус его святость, есть невропат» [10, с. 45].

Как же все-таки могут совмещаться святость и болезнь? На этот вопрос существует богословский ответ, сформулированный архимандритом Сергием кратко, но исчерпывающе: «Что касается духовного совершенства, являющегося главным признаком святости, следует знать, что это – не человеческое совершенство, но совершенство Бога в человеке. Святость всегда отсылает нас к Богу» [16, с. 129].

Еще одна парадоксальная мысль, а именно: об охранительном значении психической болезни, принадлежит святому Иоанну Кронштадтскому. На нее обращает внимание наш современник митрополит Сурожский Антоний в одной из бесед: «Есть место, которое может нас озадачить, но которое нельзя отметить в писаниях святого Иоанна Кронштадтского, где, упоминая о душевных болезнях, он говорит, что есть души настолько хрупкие, что они разбились бы о грубость и жестокость окружающего мира. И Господь допускает, что между ними и миром опускается пелена психической болезни, чтобы отделить эти души от того, что могло бы разорить их цельность. И за этой пеленой душа зреет и меняется, и человек растет. <...> И поэтому мы не можем утверждать, что всякая болезнь происходит вследствие греха» [1].

Попробуем раскрыть эту, возможно, несколько неожиданную, но очень характерную в контексте христианской антропологии мысль. Для этого проведем достаточно подробный анализ двух, на наш взгляд, в той или иной степени иллюстрирующих ее примеров из классической литературы.

Сначала без каких-либо претензий на оригинальность обратимся к одному из самых известных широкому читателю художественных произведений – роману Мигеля де Сервантеса Сааведра «Дон Кихот Ламанчский». Пелена психической болезни, опустившаяся между Алонсо Кехано и входящей в глубокий экономический и политический кризис в конце XVI века позднефеодальной Испанией, преобразовала «хитроумного идалго» в своих глазах в Рыцаря Печального Образа – Дон Кихота Ламанчского. Душа нищающего мелкопоместного дворянина оказалась, таким образом, отделенной от неминуемых и сокрушительных социальных потрясений. Произшедшая метаморфоза позволила герою романа, весьма изобретательно игнорируя грубую обыденность, а подчас и жестокую пошлость окружающего его реального мира, сохранить цельность души путем построения мировоззренческой парадигмы, основанной на романтических идеалах к тому времени уже полупоэтического рыцарства. Зреющая и меняющаяся душа Алонсо Кехано получила возможности для проявления таких нравственных качеств, которые трудно представить себе при других обстоятельствах. Кумулятивный эффект в развитии Человека в Рыцаре Печального Образа привел к тому, что он вырос до одной из самых, пусть даже гротескных, безусловно позитивно знаковых фигур, упоминаемых как в литературе, так и в повседневной жизни.

Принято считать, что «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» был написан Сервантесом с целью развенчания жанра рыцарских романов, полонившего своей продукцией книжные полки и умы читающей

публики того времени. Однако по мере происходящего с новоиспеченным рыцарем такой стереотип становится все менее убедительным и далее выглядит уже как предлог, выбранный, что называется, «на злобу дня». Если же учесть значение для последующей мировой литературы и философской мысли своеобразного по форме сатирического памфлета на тогдашнюю испанскую действительность, каким внешне позиционировал свой роман Сервантес, то представлявшееся первоначально как способ достижения поставленной цели оказывается плодотворным литературным приемом, позволившим, как оказалось, решить масштабную литературную и философскую задачу.

Сделаем одно общее замечание о христианском самосознании, относящееся, конечно, и к изучаемому нами комплексному подходу в нозологии психических заболеваний. А именно – о его толерантности к тем идейным позициям, которые не входят в противоречие с принятыми в современном обществе гуманистическими ценностями. В отношении литературного шедевра Сервантеса сказанное означает, что авторам статьи представляется вполне приемлемой материалистическая позиция, согласно которой для его создания созрели вполне объективные по своей природе предпосылки. Выдающееся художественное произведение появляется не тогда, когда автор *хочет* его создать, а потому, что он *не может* не сделать этого. Философская составляющая содержания такого произведения расширяет рамки, отводимые ему жанром (на то оно и «выдающееся»). Эпоха, в которую жил Сервантес, была настолько бурной и противоречивой, а его судьба – во всех отношениях многострадальной, что в силу своего таланта он не смог не создать в выбранной им оригинальной художественной форме «анти-рыцарского» романа историческое и социальное литературное полотно, обращенное к общечеловеческим ценностям. Роман всех времен и народов явился результатом философской рефлексии автора, реализованной в виде исследования «протекания психического заболевания» «хитроумного идадьго». Естественно, что при этом удалось совсем не косвенно указать на глубинную структуру человеческого существа и изложить поистине энциклопедическое представление о его природе [23, с. 8].

Вышесказанное находит подтверждение в предисловии Ф. В. Кельина к советскому изданию романа в 1961 г. Литературовед отмечает, что после написания первых пяти глав автор, «по-видимому, осознал, какие богатейшие возможности предоставляет ему избранный им сюжет» [21, с. 21]. Развивая сказанное с обозначенных выше общих позиций, можно предположить, что Сервантес осознал насколько эффективным и плодотворным инструментом проникновения в собственное миропонимание является перо писателя. Дело в том, что гусиное или металлическое перо, карандаш или шариковая ручка, пишущая машинка или клавиатура компьютера оказываются для писателя или поэта не просто «подручными» средствами фиксации своих мыслей и передачи их другим. Изменяющиеся вместе с техническим прогрессом «девайсы» позволяют художнику слова осуществить процесс философской рефлексии, вполне «осязаемыми» результатами которой в той или иной степени оказываются литературные шедевры.

С собственно психиатрической точки зрения отметим, что если исходить из классификации Канта [11, с. 173-174], то помешательство Кехано следует отнести к системным. Навязчивость «идеи» носит всеобъемлющий и всепроникающий в наступившем для него миропонимании характер. Заметим также, что играющий довольно активную роль во всем происходящем представитель католической церкви в лице Перо Переса по-христиански терпимо относится к фантазиям главного героя, принимая живое и доброжелательное участие во всех перипетиях его «рыцарской» судьбы.

Обстоятельства возникновения феномена «хитроумного идадьго» вполне соответствуют тому, на что обращается внимание во второй части цитаты из митрополита Антония. Алонсо Кехано, прозванный земляками в прежней жизни за свой нрав и обычай *Добрым*, являет пример человека, психическое заболевание которого произошло не вследствие греха.

Весьма уместной в рассматриваемом примере нам представляется также цитата из «Записей» Александра Ельчанинова: «И тогда ему откроется путь в царство покоя, “глубочайшего смиренномудрия, все страсти истребляющего”» [10, с. 245-246]. Действительно, в печальном конце неудавшейся «рыцарской карьеры» последнее движение души «хитроумного идадьго» выразилось в его предложении Санчо Пансо сделать мирными пастухами. Таким образом, обозначился указанный выше феномен возможной в таких случаях дальнейшей трансформации внутреннего состояния человека.

Другой пример психического заболевания, весьма контрастирующий с рассмотренным выше, мы находим в романе Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле». Расотпанной грехом и поэтому несравненно более трагичной предстает перед читателем судьба одной из героинь этого произведения – Катлины. В результате многолетних козней сексуального афериста, подчинившего себе волю простой и суеверной женщины, у нее развилось безумие, несомненно, имеющее демоническую природу. Если и в этом примере принять кантовское видение нозологии психических болезней, то следует констатировать, что обреченная душа Катлины оказалась не в состоянии сдерживать свои страсти и патологические задатки. Одна из весьма незатейливых и своеобразных средневековых западноевропейских «методик» выявления этиологии психического заболевания приведена в романе де Костера в следующем виде: «Еще через день судьи вынесли приговор Катлине. Ее решили подвергнуть испытанию водой на Брюггском канале. Если она выплывет – значит, она ведьма и ее сожгут. Если же она пойдет ко дну и утонет – значит, она христианка, и тело ее будет погребено в церковной оgrade» [14, с. 381].

Нельзя не отметить, что художественная ткань романа бельгийского писателя настолько органична, а подчас и смакующее натуралистична, что у читателя невольно складывается представление об авторе как о современнике и во многом очевидце всего происходящего. Параллель с романом Сервантеса уместна еще потому, что описываемые в обоих произведениях события происходят в один исторический период, оказавшийся во многом переломным для Западной Европы. Это был период, когда политической доминантой все еще выступала Испания – империя, где «солнце никогда не закатывалось», однако уже во многом тормозящая ее развитие. Можно предположить, что в случае литературного творчества де Костера в качестве среды для реализации

феномена философской рефлексии автором был выбран судьбоносный для Нидерландов и Бельгии и личностно глубоко ему близкий указанный выше исторический период.

Подведем итог данному выше религиозно-философскому анализу феномена психических отклонений, учитывающему христианское понимание человеческой личности. Прогрессирование деформирующих ее сознание «болезней цивилизации» (ярким примером служит принимающее патологические формы увлечение видеоиграми и компьютерными играми) показывает, насколько актуальным является обоснованное расширение позиций, с которых следует подходить к нозологии психических болезней. Достижения христианской мысли, выработавшей за два тысячелетия свое видение проблем болезней человеческого разума, во многом позитивно дополняют достигнутые современной медицинской наукой представления. Эти достижения могут оказаться полезными (в допустимых пределах) как в плане выявления причин возникновения психического заболевания, давая возможность более глубоко подойти к целостному пониманию нозологии психических болезней, так и с общефилософской точки зрения, позволяя постепенно приблизиться к решению сложнейшего вопроса о содержании онтологического слоя сознания человека.

Список источников

1. **Антоний Сурожский, митрополит.** Психическая болезнь: наказание или крест? Из бесед с митрополитом Антонием Сурожским [Электронный ресурс]. URL: http://bookap.info/okolopsy/avtorov_o_dushevnyh_boleznyah/gl13.shtm (дата обращения: 12.05.2018).
2. **Бардина С. М.** Междисциплинарность как методологическая особенность «философии психиатрии»: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 2014. 32 с.
3. **Бинсвангер Л.** Бытие в мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. М. – СПб.: КСП+; Ювента; Ленато, 1999. 302 с.
4. **Власова О. А.** Антипсихиатрия: становление и развитие: монография. М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2006. 221 с.
5. **Гильбурд О. А.** Шизофрения на Севере: этно-культуральные и эволюционные аспекты. Сургут: Дефис, 1998. 290 с.
6. **Гильбурд О. А.** Шизофрения: семиотика, герменевтика, социобиология, антропология. М.: Видар, 2007. 359 с.
7. **Гиренок Ф. И.** Аутография языка и сознания. М.: Московский государственный индустриальный университет, 2010. 243 с.
8. **Делез Ж., Гваттари Ф.** Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург – М.: У-Фактория; Астрель, 2010. 896 с.
9. **Дмитриева Т. Б., Положий Б. С.** Этнокультуральная психиатрия. М.: Медицина, 2003. 446 с.
10. **Ельчанинов Александр, свящ.** Записи. М.: Отчий дом, 2004. 256 с.
11. **Каннабих Ю. В.** История психиатрии / предисл. П. Б. Ганнушкина. М.: Центр творческого развития МГП ВОС, 1994. 528 с.
12. **Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В.** Социодинамическая психиатрия. М. – Екатеринбург: Академический Проект; Деловая книга, 2000. 460 с.
13. **Косилова Е. В.** Психиатрия: опыт философского анализа: монография. М.: Проспект, 2015. 272 с.
14. **Костер Ш. де.** Легенда об Уленшпигеле / пер. с фр. Н. Любимова. М.: Правда, 1983. 480 с.
15. **Лакан Ж.** О бессмыслице и структуре бога // Метафизические исследования. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества; Алетейя, 2000. Вып. 14. С. 218-231.
16. **Ларше Ж.-К.** Старец Сергей / пер. с фр. У. Рахновской. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. 212 с.
17. **Мелехов Д. Е.** Психиатрия и проблемы духовной жизни [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/psihiatriya-i-problemy-duhovnoj-zhizni> (дата обращения: 05.05.2018).
18. **Руткевич А. М.** От Фрейда к Хайдеггеру: критический очерк экзистенциального психоанализа. М.: Политиздат, 1985. 175 с.
19. **Сакс О.** Антрополог на Марсе / пер. с англ. М.: АСТ, 2017. 448 с.
20. **Самохвалов В. П., Гильбурд О. А., Егоров В. И.** Социобиология в психиатрии. М.: Издательский дом «Видар-М», 2011. 336 с.
21. **Сервантес М. С. де.** Собрание сочинений: в 5-ти т. / под ред. Ф. В. Кельина. М.: Правда, 1961. Т. I. Дон Кихот Ламанчский. 600 с.
22. **Ткаченко А. А. К.** Ясперс и феноменологический поворот в психиатрии // Логос. 1992. № 3. С. 136-145.
23. **Фуко М.** История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. 576 с.
24. **Ясперс К.** Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект»; Прогресс, 1999. 237 с.

CHRISTIAN AND PHILOSOPHICAL COMPONENTS OF INTEGRATED APPROACH TO MENTAL DISEASES NOSOLOGY

Novikov Aleksandr Vladimirovich
Don State Technical University, Rostov-on-Don
fimr.dstu@mail.ru

Bogachev Viktor Alekseevich, Ph. D. in Physical-Mathematical Sciences, Associate Professor
Rostov State Transport University
bogachev-va@yandex.ru

The article presents the idea of the Christian and philosophical components of the complex approach in mental diseases nosology. The achievements of Christian thought, which has developed its vision of the problems of human mind diseases over two millennia, are used that is largely unexpected from the point of view of modern medical representation and at the same time positively complements it. The classic literary example shows how a disease can perform a protective function for those people, whose souls otherwise would “break” due to the world cruelty. The religious and philosophical component allows a deeper and more holistic approach to understanding the nature of mental illness.

Key words and phrases: mental disease; madness; etiology of mental disease; interdisciplinary approach; Christian anthropology.